De la nonresistance — par Léon TOLSTOY.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

О БОРЬБѢ СО ЗЛОМЪ

ПОСРЕДСТВОМЪ

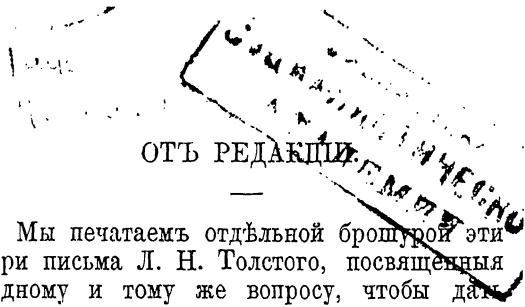
НЕПРОТИВЛЕНІЯ.

Три письма къ разнымъ лицамъ.

Изданіе Швейцарскаго отдѣла
„Свободнаго Слова".

№ 4.

49. Onex, près Genève. Suisse.
1900



ОТЪ РЕДАКЦІИ.

—

Мы печатаемъ отдѣльной брошюрой эти три письма Л. Н. Толстого, посвященныя одному и тому же вопросу, чтобы дать бо́льшее распространеніе этой столь простой, кажется намъ, истинѣ, но вызвавшей едва ли не больше споровъ, упрековъ и издѣвательствъ по адресу Л. Николаевича, чѣмъ какой либо другой изъ поднятыхъ имъ нравственныхъ вопросовъ. Вопросъ о „непротивленіи“ развитъ Л. Н-чемъ въ трехъ главныхъ его сочиненіяхъ: „Соединеніе и переводъ Четырехъ Евангелій“, „Въ чемъ моя вѣра“ и „Царство Божіе внутри васъ“. Несмотря на всестороннее обсужденіе этого вопроса въ упомянутыхъ сочиненіяхъ, мы полагаемъ, что чтеніе этихъ писемъ можетъ уяснить и разсѣять многія недоразумѣнія, такъ какъ въ своихъ частныхъ письмахъ Л. Н. очень часто выражается съ особенною ясностью и опредѣленностью, дѣлающей пониманіе этого вопроса еще болѣе доступнымъ.

П. Бирюковъ.

226916

Московскаго Губерн
БИБЛІОТЕКА
Жандармскаго Управ

О БОРЬБѢ СО ЗЛОМЪ

ПОСРЕДСТВОМЪ НЕПРОТИВЛЕНІЯ.

(Три письа Л. Н. Толстого).

I.

Изъ письма къ К.

Письмо ваше мнѣ было очень пріятно. То, что вы думаете о противленіи злу совершенно вѣрно, какъ вы и сами знаете. Иногда грустно думать, что наше общество находится въ такомъ глубокомъ мракѣ, что нужны большія усилія, тѣ самыя, которыя вы употребили и которыя не многіе способны дѣлать — чтобы вырваться съ одной стороны изъ сѣтей формальнаго, ложнаго христіанства, съ другой изъ революціоннаго либерализма, владѣющаго печатью, и понять самыя простыя истины вродѣ $2 \times 2 = 4$ въ области нравственной, т. е. что не нужно дѣлать того самого зла, съ которымъ боришься. Вѣдь все это, кажущееся сложнымъ, положеніе о непротивленіи злу и возраженіе противъ него сводятся къ тому, что вмѣсто того, чтобы понимать, что сказано: зломъ или насиліемъ не противься злу или на-

силію, понимается (мнѣ даже кажется нарочно), что сказано не противься злу, т. е. потакай злу, будь къ нему равнодушенъ; тогда какъ противиться злу, бороться съ нимъ—есть единственная внѣшняя задача христіанства и что правило о непротивленіи злу сказано, какъ правило, какимъ образомъ бороться со зломъ самымъ успѣшнымъ образомъ. Сказано: вы привыкли бороться со зломъ насиліемъ, отплатой. Это нехорошее, дурное средство. Самое лучшее средство — не отплатой, а добромъ. Въ родѣ того, какъ еслибы кто бился отворять дверь наружу, когда она отворяется внутрь, и знающій сказалъ бы: не туда толкайте, а сюда тяните. Но вѣдь это такъ только въ нашемъ очень культурно отсталомъ обществѣ. Въ Америкѣ, напримѣръ, вопросъ этотъ 50 лѣтъ тому назадъ разработанъ со всѣхъ сторонъ и совѣстно говорить про это, въ родѣ того, какъ доказывать теперь Коперникову систему тѣмъ, которые бы ее оспаривали, какъ оспаривали Галлилея. Такъ съ одной стороны, говорю, иногда грустно на наше невѣжество, а съ другой — видишь пользу этого. Тотъ, кто какъ вы, самъ своимъ умомъ пробьетъ эту кору лжи и непониманія, тотъ имѣетъ задатки болѣе твердаго пониманія и всего того, что связано съ этимъ положеніемъ, чѣмъ тотъ, кому бы это разжевали и въ ротъ положили.

Въ одномъ вы только не правы, это въ томъ, что вы робѣете идти за разсужденіемъ въ вопросѣ о бѣшенныхъ. Въ идеѣ нельзя допускать ни малѣйшаго компромисса. Компромиссъ вый-

детъ неизбѣжно въ практикѣ (какъ вы вѣрно говорите) и потому тѣмъ меньше можно допустить компромиссъ въ теоріи. Если я хочу провести линію близко къ математической прямой, я ни на секунду не долженъ допускать того, что прямая можетъ быть не кратчайшее разстояніе между двумя точками. Если я допущу, что бѣшеннаго можно запереть, то я долженъ допустить и то, что его должно убить. А то что же онъ будетъ мучиться? Возьмите примѣръ съ бѣшенной собаки и ее нельзя ни запереть ни убить.

Если я допущу, что очень бѣшеннаго можно запереть, то и меня и васъ можно и нужно окажется для кого нибудь запереть. И не бойтесь, какъ вы испугались, разсуждать на этомъ пути. Если можно запирать, то будетъ то насиліе, отъ котораго теперь стонетъ міръ: въ Россіи 100 тысячъ заключенныхъ; а если нельзя, то что же будетъ такого страшнаго? То что бѣшенный убьетъ меня, васъ, мою дочь, вашу мать? Да что же тутъ такого страшнаго? Умереть мы всѣ можемъ и должны. А дурного дѣлать мы не должны. Но во первыхъ бѣшеные рѣдко убиваютъ, а если убиваютъ, то вѣдь предметъ, который надо жалѣть, которому надо помогать, не я, котораго еще только можетъ убить бѣшеный, а онъ — навѣрное изуродованный, страдающій; и помогать надо ему, думать о немъ. Если бы люди не позволяли себѣ для своей безопасности запирать и убивать тѣхъ бѣшеныхъ и такъ называемымъ преступниковъ, то они бы позаботились о томъ, чтобы не об-

разовывались вновь бѣшенные и преступники. А то я знаю случай совершенно дикаго человѣка, нищаго 45 лѣтъ, который бродяжничалъ съ дочерью и не ночевалъ зимой въ избахъ и изнасиловалъ свою дочь; другой случай мальчика 11 лѣтъ, убившаго свою сестру 5-ти лѣтъ и сдѣлавшаго изъ ея жира свѣчу, чтобы при воровствѣ отворялись всѣ запоры; третій случай моего ученика школы, отданнаго въ ученики, споеннаго средой, допившагося до болѣзни мозга и для спокойствія своихъ домашнихъ и окружающихъ отданнаго въ сумашедшій домъ и тамъ умершаго. Всѣ мы знаемъ Скублинскую. Ну и вотъ ихъ всѣхъ посудятъ, потомъ запрутъ чтобы они намъ не мѣшали приготовлять еще такихъ же и мы говоримъ, что жестоко бы было оставить ихъ на волѣ. Нѣтъ, еслибы они были на волѣ, у насъ не было бы дикихъ людей, ходящихъ подъ проволоками телефоновъ, не было бы мальчиковъ, дѣлающихъ свѣчи изъ жира сестеръ, не было бы допивающихся до бѣшенства дикарей, не было бы Скублинскихъ.

Очень радъ буду прочесть то, что вы написали о моемъ разсказѣ *). Я на дняхъ напписалъ къ нему послѣсловіе, которое оказалось необходимымъ написать, такъ ужъ смѣло притворились люди, что они не понимаютъ того, что тамъ написано.

Помогай Вамъ Богъ идти по тому пути, на которомъ вы стали: онъ единственный.

Левъ Толстой.

*) Крейц. соната. Прим. ред.

II.

ПИСЬМО КЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРУ.

Я долгимъ и тяжелымъ опытомъ пришелъ къ убѣжденію, что аргументировать съ людьми, которые не видятъ того, чего они не могутъ не видѣть — безполезно, потому что такіе люди руководимы въ своихъ разсужденіяхъ не исканіемъ правды, а защитой своего положенія, своего прошедшаго и настоящаго. Аргументировать съ такими людьми все равно, что доказывать строителю, который, поставивъ домъ, въ которомъ онъ полагаетъ всю свою гордость и жизнь, и найдя, что углы его дома не прямые, не хочетъ знать и видѣть того, что прямой уголъ есть $^1/_2$ угловъ по одну сторону прямой.

Ему нужно, чтобы тотъ уголъ, который онъ построилъ, считая прямымъ, былъ бы прямой и потому онъ, умный, серьезный человѣкъ, не хочетъ и не можетъ понять свойствъ прямого угла. Тоже и съ тѣми возраженіями, которыя я слышу постоянно противъ такой же несомнѣнной и очевидной нравственной истины непротивленія злу насиліемъ, съ двухъ, враждебныхъ другъ другу сторонъ: правительственной консервативной и революціонной.

Одна сторона начала строить тупой уголъ, другая по этому самому стала строить острый. Обѣ стороны негодуютъ другъ на друга, а еще болѣе на угольникъ, который показываетъ имъ, что обѣ неправы. Вы защищаете противъ оче-

видности и самихъ себя тотъ уголъ, который вы завели и который не сходится съ прямымъ, который вы очень хорошо знаете. И потому я не стану доказывать вамъ того, что вы знаете также какъ и я, но только попрошу васъ на время усумниться въ томъ, что все, что вы дѣлали, было то самое, что должно было дѣлать, и что то самое, что вы намѣрены дѣлать есть то, что должно быть, и съ этой отвлеченной точки взглянуть хоть бы на доводы вашего письма и ясную, прямую цѣль ихъ.

Доводы ваши сводятся къ тому, что человѣкъ, во имя любви къ людямъ, можетъ и *долженъ* убивать людей, потому что есть какія то для меня таинственныя или самыя понятныя разсужденія, во имя которыхъ люди всегда и убивали другъ друга; тѣ самыя, по которымъ Каіафа нашелъ, что выгоднѣе убить одного Христа, чѣмъ погубить цѣлый народъ. Цѣль же всѣхъ доводовъ есть оправданіе убійства. Вы даже какъ будто негодуете на то, что есть люди, утверждающіе, что никогда не надо убивать, точно также какъ я встрѣчалъ негодующихъ на людей, которые утверждаютъ, что женъ и дѣтей не надобно бить.

Человѣчество живетъ, нравственное сознаніе ростетъ въ немъ и оно доживаетъ сначала до того, что сознаетъ невозможность нравственную ѣсть своихъ родителей, потомъ убивать излишнихъ дѣтей, потомъ убивать плѣнныхъ, потомъ держать рабовъ, потомъ битьемъ приводить въ согласіе своихъ семейныхъ и потомъ —одно изъ главныхъ пріобрѣтеній человѣчест-

ва — невозможность убійствомъ и вообще насиліемъ достигать своего совокупнаго блага. Есть люди, дожившіе до этой стадіи нравственнаго сознанія, — есть люди, не дожившіе до нея. Спорить и доказывать другъ другу нечего. Какъ бы убѣдительно ни доказывали мнѣ, что я достигну большого блага для своихъ дѣтей и для всего человѣчества, если я поучу плетью своего сына, я никакъ не могу этого сдѣлать, какъ и не могу убивать. Я знаю только то, что какъ я не могу драться, бить дѣтей, я не могу убивать. И спорить не о чемъ. Одно могу сказать, что тѣмъ, которые хотятъ защитить насиліе и въ особенности убійство, не слѣдуетъ говорить о любви, какъ людямъ, хотящимъ доказать, что острый уголъ ихъ зданія — прямой, не слѣдуетъ говорить о перпендикулярности сторонъ потому что, утверждая это, они сами себя отрицаютъ. Если уже говорить о любви, то никакіе примѣры разбойниковъ никакъ не приведутъ къ необходимости убійства другого, а приведутъ только къ самому простому и неизбѣжному выводу изъ любви — къ тому, что человѣкъ защититъ другого своимъ тѣломъ, отдастъ свою жизнь, а никакъ уже не возьметъ жизни другого.

Я не хотѣлъ было доказывать, но какъ будто начинаю доказывать. Ну и пускай. Письмо ваше не только заинтересовало, но и тронуло меня: подъ толстой корой (простите меня) вашихъ суевѣрій я увидалъ серьезный умъ и доброе сердце, и мнѣ бы хотѣлось братски

подѣлиться съ вами тѣмъ пониманіемъ жизни, которое даетъ мнѣ благо.

Вы прекрасно говорите о томъ, что основная заповѣдь есть заповѣдь любви, но неправильно говорите, что всякія частныя заповѣди могутъ нарушить ее. Вы тутъ неправильно смѣшиваете двѣ разныя вещи: заповѣдь — не ѣсть свинины и хоть бы заповѣдь не убивать. Первая можетъ быть въ разногласіи съ любовью, потому что не имѣетъ предметовъ любви. Но вторая есть только выраженіе той степени сознанія, которой достигло человѣчество въ опредѣленіи любви. Любовь очень опасное слово. Вы знаете, что во имя любви къ семьѣ совершаются самые злые поступки, во имя любви къ отечеству еще худшіе, а во имя любви къ человѣчеству самые страшные ужасы. Что любовь даетъ смыслъ жизни человѣческой, — давно извѣстно, но въ чемъ любовь? Этотъ вопросъ не переставая рѣшается мудростью человѣчества и рѣшается всегда отрицательнымъ путемъ: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило подъ фирмой любви — не есть любовь. Убивать людей — не любовь, мучить ихъ, бить ихъ во имя чего бы то ни было, предпочитать однихъ другимъ — тоже не любовь. И заповѣдь — не противиться злу насиліемъ есть такая заповѣдь, указывающая тотъ предѣлъ, на которомъ прекращается дѣятельность любви. И въ этомъ дѣлѣ можно итти впередъ, но не назадъ, какъ вы хотите.

Вѣдь выходитъ удивительное дѣло — вы человѣкъ, признающій то, что смыслъ жизни въ

служеніи другимъ во имя любви, вы негодуете на то, что вамъ указанъ вѣрный и несомнѣнный путь этого служенія, въ родѣ того, что человѣкъ негодовалъ бы на то, что опредѣленъ среди мелей и подводныхъ камней вѣрный путь для его плаванія. „Зачѣмъ это стѣсненіе. Можетъ случиться, что мнѣ надобно будетъ сѣсть на мель?“ Развѣ не тоже самое вы говорите. когда возмущаетесь на то, что нельзя убивать убивающаго воображаемаго разбойника. „Ну, а если нельзя иначе?“ Ну, а если нельзя иначе, какъ сѣсть на мель? Можетъ быть я сяду на мель, но я не могу не радоваться тому, что у меня есть путь и не могу не стремиться всѣми силами души итти по немъ.

Вы приводите сравненіе о томъ, что правило не противиться злу насиліемъ подобно правилу не бросать дѣтей въ окно, а между тѣмъ это можетъ понадобиться и потому дѣлаете заключеніе, что положеніе о томъ, что не надо бросать дѣтей въ окно—неправильно. Но вѣдь это прямо противъ васъ. Положеніе это вполнѣ правильно и необходимо. Настаивать на томъ, что нельзя запрещать бросать дѣтей въ окна, потому что надобностъ эта можетъ встрѣтиться при пожарѣ, вѣдь можетъ только тотъ, для кого нужно мучить вообще дѣтей, тому, кто занятъ такой дѣятельностью, при которой эта необходимость безпрестанно встрѣчается. Простите меня, вѣдь это такъ и есть въ вашемъ случаѣ. И это то и ужасно. Вы несомнѣнно умный человѣкъ, идете прямо противъ здраваго смысла и несомнѣнно добрый и

самоотверженный человѣкъ отстаиваете насиліе и убійство.

Насиліе и убійство возмутило васъ и вы увлеклись естественнымъ чувствомъ, положимъ стали противодѣйствовать насилію и убійству насиліемъ и убійствомъ. Такая дѣятельность, хотя и близкая къ животной, и не разумная, не имѣетъ въ себѣ ничего безсмысленнаго и противорѣчиваго; но какъ только правительства или революціонеры хотятъ оправдать такую дѣятельность разумными основаніями, тогда является ужасающая безсмыслица и необходимо нагроможденіе софизмовъ, чтобы не видна была безсмысленность такой попытки. Оправданіе такого рода всегда основываются на предположеніи того воображаемаго разбойника, не имѣющаго въ себѣ ничего человѣческаго, который убиваетъ и мучаетъ невинныхъ, и этотъ то воображаемый звѣрь, какъ будто находящійся постоянно въ процессѣ убиванія невинныхъ и служитъ основаніемъ разсужденій всѣхъ насильниковъ о необходимости насилія; но вѣдь такой разбойникъ есть самый исключительный рѣдкій и даже невозможный случай; многіе люди могутъ прожить сотни лѣтъ, какъ я прожилъ 60 лѣтъ, никогда не встрѣтивъ этого фиктивнаго разбойника въ процессѣ совершенія своего преступленія. Зачѣмъ же я буду правило своей жизни основывать на этой фикціи?

Разсуждая о дѣйствительной жизни, а не о фикціи, мы видимъ совсѣмъ другое: мы видимъ людей, и даже самихъ себя совершающихъ са-

мыя жестокія дѣла, во-первыхъ не одиночно, какъ воображаемый разбойникъ, а всегда въ связи съ другими людьми и не потому, что мы звѣри, не имѣющіе ничего человѣческаго, а потому, что мы находимся въ заблужденіяхъ и соблазнахъ. Мало того, разсуждая о жизни, мы видимъ напротивъ, что самыя жестокія дѣла, какъ побоища людей, динамиты, висѣлицы, гильотины, одиночныя тюрьмы, собственность, суды, власть и всѣ ея послѣдствіи, всѣ происходятъ не отъ воображаемаго разбойника, а отъ тѣхъ людей, которые основываютъ свои правила жизни на нелѣпой фикціи воображаемаго звѣря разбойника. Такъ что человѣкъ, разсуждающій о жизни, не можетъ не видѣть, что причина зла людей никакъ не лежитъ въ воображаемомъ разбойникѣ, а въ заблужденіяхъ своихъ и другихъ людей, изъ которыхъ одно изъ самыхъ жестокихъ состоитъ въ томъ, чтобы во имя воображаемаго зла совершать дѣйствительное, и потому такой человѣкъ, направивъ свою дѣятельность на причину зла, на искорененіе заблужденій въ себѣ и другихъ, и посвятивъ на это свои силы, увидитъ передъ собой такую огромную и плодотворную дѣятельность, что никакъ не пойметъ даже зачѣмъ ему для его дѣятельности фикція о разбойникѣ, на котораго по всѣмъ вѣроятіямъ онъ никогда не наткнется. Если же и наткнется, то сдѣлаетъ и по отношенію къ разбойнику по всѣмъ вѣроятіямъ совсѣмъ другое, чѣмъ тотъ, который всю свою жизнь еще никогда не видавъ разбойника, злобится на него.

Теперь я прошу и васъ простить меня, если я написалъ что либо рѣзкое и постараться понять меня тамъ, гдѣ я не точно выразился, а главное вѣрить, что побужденіе мое при писаніи этого письма было одно — любовь и уваженіе къ вамъ и желаніе быть вамъ полезнымъ.

Любящій Васъ **Левъ Толстой.**

III.

ПИСЬМО КЪ АМЕРИКАНЦУ КРОЗЬБИ.

Дорогой Крозьби.

Я очень радуюсь извѣстіямъ о вашей дѣятельности и о томъ, что дѣятельность эта начинаетъ обращать на себя вниманіе. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ провозглашеніе Гаррисона о непротивленіи вызвало только охлажденіе къ нему, и вся 50-ти лѣтняя работа Баллу въ томъ же направленіи была встрѣчена упорнымъ молчаніемъ. Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ въ Voice прекрасныя мысли американскихъ писателей о вопросѣ непротивленія. Дѣлаю исключеніе только для стараго, ни на чемъ не основаннаго, клевещущаго на Христа мненія Г-на Bemis, предполагающаго, что изгнаніе Христомъ скотины изъ храма означаетъ то, что онъ билъ кнутомъ и совѣтывалъ поступать такъ же своимъ ученикамъ.

Мысли, выраженныя этими писателями,

въ особенности H. Newton-омъ и G. Herron-омъ, — прекрасны, но нельзя не пожалѣть, что мысли эти отвѣчаютъ не на тотъ вопросъ, который Христосъ поставилъ передъ людьми, а на тотъ, который поставили на его мѣсто такъ называемые православные учители церквей, главные и самые опасные противники христіанства. Mr. Higginson говоритъ, что законъ непротивленія недопустимъ, какъ общее правило (nonresistance is not admisible as a generale rule). H. Newton говоритъ, что практическія послѣдствія (practical results) приложенія ученія Христа будутъ зависѣть отъ степени вѣры, которую будутъ имѣть люди въ это ученіе. Г-нъ C. Martyn полагаетъ, что та стадія, въ которой мы находимся, еще не удобна для приложенія ученія о непротивленіи. G. Herron говоритъ о томъ, что для того, чтобы исполнять законъ непротивленія, нужно выучиться прилагать его къ жизни. Тоже говоритъ Г-жа Livermore, предполагая только въ будущемъ возможнымъ исполненіе закона непротивленія.

Мнѣнія эти всѣ трактуютъ о томъ, что выйдетъ для людей, если бы всѣ были поставлены въ необходимость исполненія закона непротивленія; но во первыхъ, совершенно невозможно заставить всѣхъ людей принять законъ непротивленія, а во вторыхъ, если бы это и было возможно, то это было бы самымъ рѣз-

кимъ отрицаніемъ того самого принципа, который устанавливается. Заставить всѣхъ людей не насиловать другихъ! Кто же будетъ заставлять людей?

Въ третьихъ и главное — то, что вопросъ поставленный Христомъ, совсѣмъ не въ томъ, можетъ ли непротивленіе стать общимъ закономъ для всего человѣчества, а въ томъ, что долженъ дѣлать каждый отдѣльный человѣкъ для исполненія своего назначенія, для спасенія своей души и для совершенія дѣла божія, что сводится къ одному и тому же.

Христіанское ученіе не предписываетъ всѣмъ людямъ никакихъ законовъ, оно не говоритъ людямъ: слѣдуйте всѣ подъ страхомъ наказанія такимъ то правиламъ, и вы всѣ будете счастливы,—а объясняетъ каждому отдѣльному человѣку его положеніе въ мірѣ и показываетъ ему то, что для него лично неизбѣжно вытекаетъ изъ его положенія. Христіанское ученіе говоритъ каждому отдѣльному человѣку, что жизнь его, если онъ признаетъ свою жизнь своею и цѣлью ея — мірское благо своей личности или личностей другихъ людей, не можетъ имѣть никакого разумнаго смысла, потому что благо это, поставленное цѣлью жизни, никогда не можетъ быть достигнуто потому, что, во первымъ, всѣ существа стремятся къ благамъ мірской жизни, и блага эти пріобрѣтаются всегда одними существами

въ ущербъ другихъ, такъ что каждый отдѣльный человѣкъ не можетъ получить желаемаго блага, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, долженъ даже испытать въ борьбѣ за эти недостигнутыя блага еще много ненужныхъ страданій; во вторыхъ, потому, что, если человѣкъ и пріобрѣтаетъ мірскія блага, то чѣмъ больше онъ пріобрѣтаетъ ихъ, тѣмъ меньше онѣ удовлетворяютъ его и тѣмъ больше онъ желаетъ новыхъ; въ третьихъ, главное потому, что чѣмъ дольше человѣкъ живетъ, тѣмъ неизбѣжнѣе наступаютъ для него старость, болѣзни и наконецъ смерть, уничтожающая возможность какого либо мірского блага.

Такъ что если человѣкъ считаетъ свою жизнь своею и цѣлью ея мірское благо, свое или другихъ людей, то жизнь эта не можетъ имѣть для него никакого разумнаго смысла. Разумный смыслъ жизни получаетъ только тогда, когда человѣкъ понимаетъ, что признаніе своей жизни своею, цѣлью ея мірское благо личности, своей или другихъ людей,—есть заблужденіе и что жизнь человѣка принадлежитъ не ему, получившему эту жизнь отъ кого-то, но тому, кто произвелъ эту жизнь, а потому и цѣль ея должна состоять не въ достиженіи блага своего или другихъ людей, а только въ исполненіи воли Того, кто произвелъ ее. Только при такомъ пониманіи жизни она полу-

чаетъ разумный смыслъ и цѣль ея, состоящая въ исполненіи воли Бога, становится достижимой и, главное, только при такомъ пониманіи становится ясно опредѣленною дѣятельность человѣка, и онъ не подлежитъ уже неизбѣжнымъ при прежнемъ пониманіи отчаянію и страданіямъ.

„Міръ и я въ немъ, — говоритъ себѣ такой человѣкъ, — мы существуемъ по волѣ Бога. Міра всего и моего отношенія къ нему я не могу знать, но то, что хочетъ отъ меня Богъ, пославшій меня въ этотъ безконечный по времени и пространству и потому недоступный моему пониманію міръ, я могу знать, потому что это открыто мнѣ и въ преданіи, т. е. въ совокупномъ разумѣ прежде меня жившихъ лучшихъ людей міра, и въ моемъ разумѣ, и въ моемъ сердцѣ, т. е. въ стремленіи всего моего существа.

Въ преданіи совокупной мудрости всѣхъ лучшихъ людей, жившихъ до меня, мнѣ сказано то, что я долженъ поступать съ другими такъ, какъ хотѣлъ бы, чтобы другіе поступали со мною; разумъ мой говоритъ мнѣ, что наибольшее благо людей возможно только тогда, когда всѣ люди будутъ поступать такъ-же.

Сердце мое спокойно и радостно только тогда, когда я отдаюсь чувству любви къ людямъ, требующему того-же. И не только я могу знать тогда, что мнѣ надо

дѣлать, но могу знать и знаю то дѣло, для котораго нужна и опредѣлена моя дѣятельность.

Всего дѣла божія, того, для чего существуетъ и живетъ міръ, я не могу постигнуть, но совершающееся въ этомъ мірѣ дѣло божье, въ которомъ я участвую своей жизнью, доступно мнѣ. Дѣло это есть уничтоженіе раздора и борьбы между людьми и другими существами и установленіе между ними наибольшаго единенія, согласія и любви; дѣло это есть осуществленіе того, что обѣщали еврейскіе пророки, говоря, что наступитъ время, когда всѣ люди будутъ научены истинѣ, перекуютъ копья на серпы и мечи на орала и левъ будетъ лежать съ ягненкомъ".

Такъ что человѣкъ христіанскаго пониманія не только знаетъ то, какъ ему надо поступать въ жизни, но знаетъ и то, что ему надо дѣлать.

Ему надо дѣлать то, что содѣйствуетъ установленію царства божія въ мірѣ. Для того же, чтобы дѣлать это, человѣку нужно исполнять внутреннія требованія воли Бога, т. е. поступать любовно съ другими такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы поступали съ нимъ. Такъ что внутреннія требованія души человѣка сходятся съ тою внѣшнею цѣлью жизни, которая поставлена передъ нимъ.

И тутъ то, при такомъ для человѣка

христіанскаго пониманія яснымъ, несомнѣнномъ съ двухъ сторонъ указаніи того, въ чемъ состоитъ смыслъ и цѣль человѣческой жизни и какъ человѣкъ долженъ поступать, и что дѣлать, и чего не дѣлать, и являются люди, называющіе себя христіанами, которые рѣшаютъ, что въ такихъ то и такихъ то случаяхъ человѣкъ долженъ отступать отъ даннаго ему закона Бога и указанія общаго дѣла жизни и поступать противно и данному закону и общему дѣлу жизни, потому что, по ихъ умозаключеніямъ, послѣдствія поступковъ, совершенныхъ по данному Богомъ закону, могутъ быть невыгодны или неудобны для людей.

Человѣкъ, по христіанскому ученію, есть работникъ Бога. Работникъ не знаетъ всего дѣла хозяина, но ему открыта та ближайшая цѣль, которая достигается его заботой, и даны опредѣленныя указанія о томъ, что онъ долженъ дѣлать, въ особенности даны ясныя указанія о томъ, чего онъ не долженъ дѣлать, чтобы не противодѣйствовать той цѣли, для достиженія которой онъ посланъ на работу. Въ остальномъ же ему предоставлена полная свобода. И потому для человѣка, усвоившаго христіанское пониманіе жизни, совершенно ясенъ и разуменъ смыслъ его жизни и не можетъ быть ни минуты колебанія о томъ, какъ ему надо поступать въ жизни и что ему слѣдуетъ дѣ-

лать для того, чтобы исполнить назначеніе своей жизни.

По данному и въ преданіи, и въ разумѣ, и въ сердцѣ закону, человѣкъ долженъ поступать всегда съ другими такъ, какъ онъ хочетъ, чтобы поступали съ нимъ; долженъ содѣйствовать установленію между существами любви и единенія; но рѣшенію же этихъ мірскихъ дальновидныхъ людей, человѣкъ долженъ, пока еще исполненіе закона, по ихъ мнѣнію, преждевременно, насиловать, лишать свободы, убивать людей и этимъ содѣйствовать не любовному единенію, а раздраженію и озлобленію людей. Въ родѣ того, какъ если бы приставленный къ опредѣленной работѣ каменщикъ, знающій, что онъ участвуетъ вмѣстѣ съ другими въ постройкѣ дома, и получившій ясное и несомнѣнное распоряженіе отъ самаго хозяина о томъ, что ему надо выкладывать стѣну, получилъ бы приказаніе отъ такихъ же, какъ онъ, каменщиковъ, не знающихъ, какъ и онъ, общаго плана постройки и того, что полезно для общаго дѣла, о томъ, чтобы перестать выкладывать свою стѣну, а раскидывать работу другихъ.

Удивительное заблужденіе! Существо, нынче дышущее и завтра исчезающее, которому данъ одинъ опредѣленный, несомнѣнный законъ, какъ ему прожить свой короткій срокъ, это существо вооб-

ражаетъ себѣ, что оно знаетъ то, что нужно и полезно и своевременно всѣмъ людямъ, всему міру, тому міру, который неперставая движется, развивается, и во имя этой воображаемой каждымъ по своему пользы предписываетъ себѣ и другимъ на время отступать отъ даннаго ему и всѣмъ людямъ несомнѣннаго закона и не поступать со всѣми такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы поступали съ нимъ, не вносить въ міръ любовь, а насиловать, лишать свободы, казнить, убивать, вносить въ міръ озлобленіе тогда, когда мы найдемъ, что это нужно. И предписываетъ поступать такъ, зная, что самыя ужасныя жестокости, мученія, убійства людей, отъ инквизицій и казней и ужасовъ всѣхъ революцій, до теперешнихъ звѣрствъ анархистовъ и избіенія ихъ, происходили и происходятъ только потому, что люди предполагаютъ, что они знаютъ то, что нужно людямъ и міру; зная, что въ каждый данный моментъ всегда есть двѣ противуположныя партіи, изъ которыхъ каждая утверждаетъ, что надо употреблять насиліе противъ противуположной: государственники противъ анархистовъ, анархисты противъ государственниковъ, англичане противъ американцевъ, американцы противъ англичанъ, англичане противъ нѣмцевъ и т. д. во всѣхъ возможныхъ перемѣщеніяхъ и сочетаніяхъ.

Но мало того, что человѣкъ христіан-

скаго пониманія жизни по разсужденію ясно видитъ, что нѣтъ для него никакого основанія отступать отъ ясно указаннаго ему Богомъ закона его жизни для того, чтобы слѣдовать случайнымъ, шаткимъ, часто противорѣчивымъ требованіямъ человѣческимъ, но такой человѣкъ, если онъ уже нѣкоторое время живетъ христіанскою жизнью и развилъ въ себѣ христіанскую нравственную чуткость, уже не по одному разсужденію, но по чувству —буквально не можетъ поступать такъ, какъ требуютъ отъ него люди.

Какъ для многихъ людей нашего міра невозможно истязать, убить ребенка, хотя бы такое истязаніе могло спасти сотни другихъ людей, такъ точно для человѣка, развившаго въ себѣ христіанскую чуткость сердца, становится невозможнымъ цѣлый рядъ поступковъ. Христіанинъ, напримѣръ, принужденный къ участію въ судѣ, гдѣ человѣкъ можетъ быть приговоренъ къ казни, къ участію въ дѣлахъ насильственнаго отнятія имущества, въ преніяхъ объ объявленіи войны или въ приготовленіяхъ въ ней, не говоря уже про самую войну, находится въ томъ же положеніи, въ которомъ бы находился добрый человѣкъ, принужденный къ истязанію или убійству ребенка. Онъ не то, что по разсужденію рѣшаетъ, что ему не должно, но онъ не можетъ сдѣлать то, чего отъ него требуютъ. Потому что для

человѣка существуетъ нравственная невозможность извѣстныхъ поступковъ, такая же точно, такъ невозможность физическая. Какъ человѣку невозможно поднять гору, какъ невозможно доброму человѣку убить ребенка, такъ невозможно человѣку, живущему христіанской жизнью, участвовать въ насиліи. Какое же могутъ имѣть значеніе для такого человѣка разсужденія о томъ, что для какого-то воображаемаго блага онъ долженъ сдѣлать то, что для него уже стало нравственно невозможно?

Но какъ же поступать человѣку, когда для него очевиденъ вредъ слѣдованія закону любви и вытекающему изъ него закону непротивленія? Какъ поступать человѣку, — всегда приводимый примѣръ, — когда на его глазахъ разбойникъ убиваетъ, насилуетъ ребенка и спасти ребенка нельзя иначе, какъ убивъ разбойника?

Обыкновенно предполагается, что представивъ такой примѣръ, отвѣтъ на вопросъ не можетъ быть иной, какъ тотъ, что надо убить разбойника для того, чтобы спасти ребенка. Но отвѣтъ этотъ вѣдь дается такъ рѣшительно и скоро только потому, что мы не только всѣ привыкли поступать такъ въ случаѣ защиты ребенка, но привыкли поступать такъ въ случаѣ увеличенія границъ сосѣдняго государства въ ущербъ нашего, или въ случаѣ провоза черезъ границу кружевъ,

или даже въ случаѣ защиты плодовъ нашего сада отъ похищенія ихъ прохожимъ.

Предполагается, что необходимо убить разбойника, чтобы спасти ребенка, но стоитъ только подумать о томъ, на какомъ основаніи долженъ поступить такъ человѣкъ, будь онъ христіанинъ или нехристіанинъ, для того, чтобы убѣдиться, что поступокъ такой не можетъ имѣть никакихъ разумныхъ основаній и считается необходимымъ только потому, что 2000 лѣтъ тому назадъ такой образъ дѣйствія считался справедливымъ и люди привыкли поступать такъ. Для чего не-христіанинъ, не признающій Бога и смысла жизни въ исполненіи Его воли, защищая ребенка, убьетъ разбойника? Не говоря уже о томъ, что, убивая разбойника, онъ убиваетъ навѣрное, а не знаетъ еще навѣрное до послѣдней минуты, убилъ бы разбойникъ ребенка или нѣтъ, не говоря уже объ этой неправильности, кто рѣшилъ, что жизнь ребенка нужнѣе, лучше жизни разбойника?

Вѣдь если человѣкъ нехристіанинъ и не признаетъ Бога и смысла жизни въ исполненіи Его воли, то руководить выборомъ его поступковъ можетъ только разсчетъ, т. е. соображенія о томъ, что выгоднѣе для него и для всѣхъ людей: продолженіе жизни разбойника или ребенка? Для того же чтобы рѣшить это, онъ долженъ знать, что будетъ съ ребен

комъ, котораго онъ спасетъ, и что было бы съ разбойникомъ, котораго онъ убиваетъ, если бы онъ не убилъ его? А этого онъ не можетъ знать. И потому, если человѣкъ нехристіанинъ, онъ не имѣетъ никакого разумнаго основанія для того, чтобы смертью разбойника спасать ребенка.

Если же человѣкъ христіанинъ и потому признаетъ Бога и смыслъ жизни въ исполненіи Его воли, то какой бы страшный разбойникъ ни нападалъ на какого бы то ни было, невиннаго и прекраснаго ребенка, онъ еще менѣе имѣетъ основанія, отступивъ отъ даннаго ему Богомъ закона, дѣлать надъ разбойникомъ то, что разбойникъ хочетъ сдѣлать надъ ребенкомъ; онъ можетъ умолять разбойника, можетъ подставить свое тѣло между разбойникомъ и его жертвой, но одного онъ не можетъ: сознательно отступить отъ даннаго ему закона Бога, исполненіе котораго составляетъ смыслъ его жизни. Очень можетъ быть, что по своему дурному воспитанію, по своей животности, человѣкъ, будучи язычникомъ или христіаниномъ, убьетъ разбойника не только въ защиту ребенка, но даже въ защиту себя или даже своего кошелька, но это никакъ не будетъ значить, что это должно дѣлать, что должно пріучать себя и другихъ думать, что это нужно дѣлать.

Это будетъ значить только то, что не

смотря на внѣшнее образованіе и христіанство, привычки каменнаго періода сильны еще въ человѣкѣ, что онъ можетъ дѣлать поступки уже отрицаемые его сознаніемъ.

Разбойникъ на моихъ глазахъ убиваетъ ребенка и я могу спасти его, убивъ разбойника; стало быть въ извѣстныхъ случаяхъ надо противиться злу насиліемъ. Человѣкъ находится въ опасности жизни и можетъ быть спасенъ только моею ложью; стало быть въ извѣстныхъ случаяхъ надо лгать. Человѣкъ умираетъ отъ голода и я не могу спасти его иначе, какъ укравъ; стало быть въ извѣстныхъ случаяхъ надо красть.

Недавно я читалъ разсказъ Коппе, гдѣ деньщикъ убиваетъ своего офицера, застраховавшаго свою жизнь и тѣмъ спасаетъ его честь и жизнь его семьи. Стало быть въ извѣтныхъ случаяхъ надо убивать.

Такіе придуманные случаи и выводимые изъ нихъ разсужденія доказываютъ только то, что есть люди, которые знаютъ, что не хорошо красть, лгать, убивать, но которымъ такъ не хочется перестать это дѣлать, что они всѣ силы своего ума употребляютъ на то, чтобы оправдать эти поступки. Нѣтъ такого нравственнаго правила, противъ котораго нельзя бы было придумать такого положенія, при которомъ трудно рѣшить, что нравственнѣе;

отступить отъ правила или исполнить его? Тоже и съ вопросомъ непротивленія злу насиліемъ: люди знаютъ, что это дурно, но имъ такъ хочется продолжать жить насиліемъ, что они всѣ силы своего ума употребляютъ не на уясненіе всего того зла, которое произвело и производитъ признаніе человѣкомъ права насилія надъ другимъ, а на то, чтобы защитить это право. Но такіе придуманные случаи никакъ не доказываютъ того, что правила о томъ, что не надо лгать, красть, убивать были бы несправедливы.

Fais ce que doit, advienne que pourra." — „Дѣлай что должно, и пусть будетъ, что будетъ" — есть выраженіе глубокой мудрости. То что каждый изъ насъ долженъ дѣлать, каждый несомнѣнно знаетъ, то же, что случится, мы никто не знаемъ и знать не можемъ. И потому уже не только тѣмъ, что мы должны дѣлать должное, мы приведены къ тому же, но и тѣмъ, что мы знаемъ что должно, а совсѣмъ не знаемъ того, что случится и выйдетъ изъ нашихъ поступковъ.

Христіанское ученіе есть ученіе о томъ, что долженъ дѣлать человѣкъ для исполненія воли того, кто послалъ его въ жизнь. Разсужденіе же о томъ, какія мы предполагаемъ послѣдствія отъ тѣхъ или другихъ поступковъ людей, не только не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ,

но есть то самое заблужденіе, которое разрушается христіанствомъ.

Воображаемаго разбойника съ воображаемымъ ребенкомъ никто еще не видалъ, а всѣ ужасы, наполняющіе исторію и современность. и производились и производятся только потому, что люди воображаютъ, что они могутъ знать послѣдствія могущихъ совершиться поступковъ.

Вѣдь дѣло въ чемъ? Люди жили прежде звѣрской жизнью и насиловали и убивали всѣхъ тѣхъ, кого имъ было выгодно насиловать и убивать, даже ѣли другъ друга и считали, что это хорошо. Потомъ пришло время, и въ людяхъ, тысячи лѣтъ тому назадъ еще при Моисеѣ, явилось сознаніе, что насиловать и убивать другъ друга дурно. Но были люди, которымъ насиліе было выгодно и они не признавали этого и увѣряли себя и другихъ, что насиловать и убивать людей дурно не всегда, но что есть случаи, въ которыхъ это нужно, полезно и даже хорошо. И насилія и убійства, хотя и не столь частыя и жестокія, продолжались, только съ той разницей, что тѣ, которые совершали ихъ, оправдывали ихъ пользой людей. Вотъ это то ложное оправданія насилія и обличалъ Христосъ. Онъ показалъ, что такъ какъ всякое насиліе можетъ быть оправдываемо, какъ это и бываетъ, когда два врага насилуютъ другъ друга и оба считаютъ свое насиліе оправ-

даннымъ и нѣтъ никакой повѣрки справедливости опредѣленія того или другого, то надо не вѣрить ни въ какія оправданія насилія, и ни подъ какимъ предлогомъ, какъ это сначала еще сознано человѣчествомъ, никогда не употреблять ихъ.

Казалось бы, что людямъ, проповѣдующимъ христіанство, надо бы старательно разоблачать этотъ обманъ, потому что въ разоблаченіи этого обмана и состоитъ одно изъ главныхъ проявленій христіанства. Но случилось обратное; люди, кокорымъ выгодно было насиліе и которые не хотѣли разстаться съ этими выгодами, взяли на себя исключительное проповѣдованіе христіанства и, проповѣдуя его, утверждали, что такъ какъ есть случаи, въ которыхъ неупотребленіе насилія производитъ больше зла, чѣмъ употребленіе его (воображаемый разбойникъ, убивающій воображаемаго ребенка), то ученію Христа о непротивленіи злу насиліемъ не надо слѣдовать вполнѣ и что отступать отъ этого ученія можно для защиты жизни своей и другихъ людей, для защиты отечества, огражденія общества отъ безумцевъ и злодѣевъ и еще во многихъ другихъ случаяхъ. Рѣшеніе же вопроса о томъ, въ какихъ именно случаяхъ должно быть отмѣняемо ученіе Христа, предоставлялось тѣмъ самымъ людямъ, которые употребляли насиліе. Такъ что ученіе Христа о непротивленіи злу наси-

ліемъ оказалось совершенно отмѣненнымъ и, что хуже всего этого, что тѣ самые, которыхъ обличалъ Христосъ, стали считать себя исключительными проповѣдниками и толкователями его ученія. Но свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и ложные проповѣдники христіанства опять обличены его ученіемъ.

Можно думать объ устройствѣ по нашему вкусу міра, никто не можетъ помѣшать этому, можно дѣлать то, что намъ выгодно и пріятно и для этого употреблять насиліе надъ людьии подъ предлогомъ блага людей, но никакъ нельзя утверждать, что, дѣлая это, мы исповѣдуемъ ученіе Христа, потому что Христосъ обличалъ этотъ самый обманъ. Истина рано или поздно окажется и обличитъ обманщиковъ, какъ это и случается теперь.

Только бы былъ поставленъ правильно вопросъ о человѣческой жизни, такъ какъ онъ поставленъ Христомъ, а не такъ, какъ онъ извращенъ церквами, и сами собою разрушатся всѣ нагроможденныя церквами на ученіе Христа обманы. Вопросъ вѣдь не въ томъ, что хорошо или дурно будетъ для человѣческаго общества слѣдованіе людьми закону любви и вытекающему изъ него закону непротивленія, а въ томъ, хочешь ли ты — нынче живущее, а завтра и всякую минуту понемногу умирающее существо — испол-

нить сейчасъ, сію минуту волю Того, Кто послалъ тебя, и ясно выразилъ ее и въ преданіи, и въ твоемъ разумѣ и сердцѣ, или хочешь дѣлать противное этой волѣ? И какъ только вопросъ поставленъ такъ, то и отвѣтъ можетъ быть только одинъ: хочу сейчасъ, сію минуту, ни докудова не откладывая и никого не дожидаясь и не соображаясь съ кажущимися мнѣ послѣдствіями, по мѣрѣ всѣхъ силъ моихъ исполнять то, что мнѣ одно несомнѣнно повелѣно Тѣмъ, Кто послалъ меня въ міръ, и ни въ какомъ случаѣ, ни при какихъ условіяхъ не хочу, не могу дѣлать противное этому, потому что въ этомъ единственная возможность разумной, небѣдственной моей жизни.

Левъ Толстой.

12 Января 1896 года.